

АНДРЕЙ СЕЛУНСКИЙ

СБОРНИК СТИХОТВОРЕНИЙ

ПЕСНИ
УШЕДШЕГО
ВРЕМЕНИ

16+

Андрей Селунский

Песни ушедшего времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38575720

SelfPub; 2018

Аннотация

Сборник стихотворений, написанных автором в разные годы: с1979 по 2018.На самом деле, большинство из этих стихотворений – песни: песни о времени, о том, как менялась или не менялась наша жизнь в течение сорока лет."Нервы поправив параличом,в смысле блуждаю переносном,в смысле, не понятном ещеи в переходе набросанном."

Содержание

Время	4
Звезды	6
Океан	7
У озера	9
Принцесса	11
Вагон	13
Московский санитар	15
Де Рево	17
Циники	19
Квадрат	21
Виагра	24
Ветер	26
Лестница	28
Ночная серенада	30
Знак	32
Эхинацея	34
Решето	36
Быть человеком	38
Снегурочка	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Время

Ты обернешься на прощание
И, обернувшись в обещание
из разноцветных лоскутов
слов, отороченных прерывистым дыханием
и мягкостью шагов,
оставишь мне свое очарование
и аромат духов.

И время
не преминет потянуться,
как ленивый кот,
который ждет хозяев, чтобы гордо отвернуться.

Окно задержит на мгновение
твоей улыбки отражение,
все не решаясь отпустить
почти утраченного нами совпадения
слабеющую нить
в слепую ночь, где столько невезения,
что некого винить.

А время
не замедлит потеряться,

так же как и тот ленивый кот,
когда его хозяева бранятся.

Необъяснимо обаятельна,
ты станешь старше обязательно,
но не устанешь обещать,
сгонять со лба в наклоне сослагательном
уверенности прядь,
себя казнить за то, что невнимательна,
и снова ускользать.

А время
примостится на коленях,
думая о том,
что быть котом не так уж плохо в случаях отдельных.

Звезды

Наши звезды не на небе, а под небом,
где-то в поле догорают по утрам,
чуть живые, перепачканные пеплом,
непонятно кем подброшенные нам.

Их голодные растаскивают птицы.
Их усталые пинают грибники.
А потом неустановленные лица
собирают в безразмерные мешки.

На повозке, запряженной битюгами,
их увозят из безропотной глуши,
чтобы в реку опрокинуть с матюгами
или сплавить нуворишам за гроши.

И не жалко нам, а все-таки обидно.
Ведь кому-то надо думать наперед.
Раз на небе ни одной звезды не видно,
пусть одна хотя бы в поле прорастет.

Океан

Улетят и листья, и птицы,
и лучи от звезды погасшей.
Унесет наши юные лица
из сегодняшнего во вчерашнее.
За потекшими вспять ресницами
поплывут глаза акварельные,
и лицо в молоке растворится
той реки с берегами кисельными.

Брови не хмурь,
ты же знаешь – тебе не идет.
В этом зеркале – лед,
в этом зеркале годы застыли на взлете.
Если с тобой
мы попали в один переплет,
пусть тогда повезет
нам надолго остаться в одном переплете.

Пригубив молочную дельту,
заберет океан могучий
и улыбку в помаду одетую,
и волос твоих кудри жгучие.
Но ничью непутевую млечность

не хранит океан безразличный.
Он – игрушка, модель бесконечности,
у которой завод ограниченный.

Испаряясь к яркому свету
из небрежности океана,
ты забудешь меня, и поэтому
нам с тобой расставаться рано
с этой слабостью непроходящей,
с этой силой вокруг да около.
Нас уносит уже, но пока еще
молоко на губах не обсохло.

У озера

В стиле дремучего ретро
ветви причесаны ветром.
Брошенной с неба палитрой
осень сползает к воде.
В древней базальтовой чашке,
перебирая барашки,
озеро плещет в ритме адажио
нашего па-де-де.

Изящнее, еще изящнее -
здесь оно, настоящее,
свежее, не мороженное
изящество осторожное,
в прозрачном холоде замершее,
о чем-то подозревающее,
подозревать уставшее,
ухой еще не ставшее
изящество покорное,
уже приговоренное...

Томное сонное утро.
Небо в тонах перламутра.
Ветер, касаясь попитров,

ноты сдувает с ветвей.

Пауза выпитой фляжки,
кода последней затяжки.

Озеро прячет стройные ножки
маленьких лебедей.

Принцесса

Принцессе, конечно принцессе -
кому же еще? -

не спится которую вечность
в алькове дворца.

Перины стерильны,
горошина здесь ни при чем,
не в счет и поклонник,
застывший столбом у крыльца.

Заметно,
конечно заметно,
старее луна,
роняя чужие лучи своего парика.

А в маленькой тихой вселенной
напротив окна
принцессе не спится о чем-то
неясном пока.

Ожидание удачи,
дегустация обмана,
утоление надежды
из неполного стакана.

Рано еще, мой свет
рано еще, мой свет

рано.

За дверью,
конечно за дверью
в стене боковой -
тропа, на которой
следы оставляют людей,
дорожная пыль,
уносящая всех за собой
из шума предместий
в покой городских площадей.
Все было,
конечно все было
и будет не раз -
словесные сети,
сплетенные в новый узор,
бессонные ночи,
одетые в белый атлас,
и тот же знакомый мотив
под простой перебор.

Вагон

У вагона-ресторана снова мутные глаза,
те, которые не скроешь занавеской.
День за окнами мрачнеет, собирается гроза
перелесок занимать за перелеском.
Ветер сучья посрывает и уронит под откос,
что поделаешь – судьба у них такая.
А не справится стихия – остановим паровоз
и поможем – дров побольше наломаем.

Ах, как обильно, как самобытно
плюю в колодец себе назло!
Совсем недавно мне было стыдно.
Ах, как обидно – уже прошло.
К чему нам память о дне вчерашнем,
ведь мы и так у него в плену.
А нам на это ... с высокой башни,
и нам за это идти ко дну.

Тень от облака упала и разбилась на куски.
Нам не спрятаться под этим одеялом.
Неприятные уроки отвечая у доски,
мы решительно забыли про начала.
Все внимание на крепких указующих задах,

штукатурить их готовы языками.
Победителей не судят, их сажают без суда
на почетные места под образами.

Листья преданно ложатся под тяжелые катки,
железяками тела свои калеча.
Телеграфные опоры, как на Волге бурлаки,
тянут новости течению навстречу.
Позади остыли рельсы, покоренные быльем,
разоренные жульем. Какая жалость!
Все распалось, мне осталось Православие мое,
сквернословие мое ему не в тягость.

Московский санитар

Звезды московские пьют в ночи
мутные небеса.

Из-за плеча рюкзак торчит,
из рюкзака – тесак.

Овцам – загоны, клыки – волкам,
пчелам – густой нектар,
а беспокойным головам -
опытный санитар.

Нам ветер попутчик.

Такие, брат, дела.

Бензопила, конечно, лучше,
да ноша тяжела.

Нам спорить не надо,
кто краше, кто умней.

У нас для всех одна палата
а вместе веселей.

Неутомимо бетонный прут
землю сосет клещом,
а миллионы зрачков бегут
за голубым лучом.

Небо седьмое набрав слюны

вертит эфир собой.

Если на Землю плевать с Луны,
станет Земля луной.

Утро одело в холодный пот
многоэтажный лес.

Чинно продолжил свой обход
в местном раю главбес.

Всеми цветами экран зудит,
не отвести глаза.

Шпилем дырявит монолит
мутные небеса.

Де Рево

Музы проворно
в кудрях Медузы
прячут свое волшебство.
В собственном замке
вышел за рамки
графоманьяк Де Рево.

В деле он страшен -
прямо в постели
рифмой пытается слова.
Вместо матраса -
шкура Пегаса,
а на стене – голова.

Ляжет ли слово
там где укажут,
или сгорит со стыда?
Пленники все мы
этой дилеммы,
и не уйти от суда.

Слоги покорны.
Строфы убоги.

В нашем краю торжество.
В собственном замке
в масле и в рамке
гордо висит Де Рево.

Циники

Чтобы подсолнечный мир не зачах
и не скатился в подлунный,
циники тащат его на плечах -
грязный, больной, непридуманный.
Чтобы в своих он соплях не утоп
под фейерверк папарацци,
циники спрятали в цинковый гроб
мощи своей экзальтации.

А я не циник, и это не лечится.
Я верю в чудо и человечество.
Роняю злые шутки порой,
но лишь по праздникам и по одной.
Нет я не циник, да мне и не хочется
искать опору на дне одиночества,
а не в компании верных пассий -
иллюзий моих и фантазий.

Чтобы в подлунном хранилище грез
не завелись паразиты,
циники колют шипами от роз
розовощеких пиитов.
От перегрузок немеет душа.

Рыцари стражи иммунной
ловко пинают запущенный шар -
грязный, больной, непридуманный.

Квадрат

Черный квадрат -
черный с боков,
черный с изнанки -
сам виноват,
что он таков -
черное "нет" в рамке.
Этому "нет"
нужен свет -
кто иначе увидит,
как на износ
белый холст
дергают за нити?

Красный фонарь -
зов маяка
в тайны корсета.
С отблеском фар
глаз мотылька
перед концом света.
Сладкое "да"
никогда
не обходится даром.
В сумерки врос

белый холст
на столбе фонарном.

Черной кошке делать нечего
в темной комнате без дверей.
Но настойчиво и доверчиво
мы ее, от нее, за ней.

Храма квадрат.
Купол на нем -
как на иголках.
С неба грозят
страшным судом,
но до суда – долго.
Хлеб и вино
это "но"
костью в горло веселью.
Красный погост.
Белый холст
под ноги метелью.

Красный петух
роет золу,
искры на лапах.
Тысячи рук
в темном углу

ловят кошачий запах.
И не беда что не “да”
вышивают на черном -
грязи покров от следов
на холсте покорном.

Виагра

В этих недрах -
залежи виагры.
Кто был ничем,
тот встанет колом.
Танцуют все,
кому не хватит пары
будет евнухом
участковым.

За той горой
гадают на Писании,
Апокалипсис
положив на сердце...
Наш пофигизм
плюс питание
минус рассудок
равно эрекция.

За той рекой
сто лет одиночества,
импотенции,
работы на лекарства...
У нас богатство и есть

достоинство,
и скрыться некуда
от богатства.

Что ж вас барышни
окунуло в краску?
Круче бедра и плечи,
полнее грудь!
Яйца перекрашиваем
каждую пасху -
пора уже и вылупиться
чему-нибудь.

Ветер

В этом лучшем из миров,
мире слез и чистогана,
нам завещано беречь
ваше счастье и покой.
Мы сидим вокруг костра,
на костре горит Джордано,
с неба падает мессия,
пролетая неопознанной звездой.

Ветер, свежий ветер...
Мы его поймали в сети,
завязали узлом,
обваляли в пыли,
порубили на куски,
повертели над огнем,
укусили, осмеяли, затоптали
на заветном круге своем.

Наша плоская земля,
не прогнутая веками,
не боится мудрецов,
правдолюбков и шутов.
Мы сидим на трех китах,

шевелиющих плавниками,
отгоняющих тревоги
от холодных, неприступных берегов.

Наверху зажжен фитиль
вавилонской нашей башни.
Поднимается рука,
разминающая плеть.
Только панцирь голубой,
только купол черепаший
между нами и свободой
обольщаться, возноситься и гореть.

Лестница

Детство прыгало по лестнице, по лестнице.
Смех до коликов, и слезы от души.
Кто умнее говорили – перебесится,
кто наивней говорили – не спеши.
Разлученные с друзьями и подругами,
оставляли все, что было, за бортом.
Ах, какими же мы прежде были глупыми!
Ох, какими стали глупыми потом!

На ступенях, что от времени стираются,
под гитару пели каждый о своем.
Кто наивней – все о том, что не сбывается,
кто умнее – понемногу ни о чем.
Под ногами – пацаны амуры с луками,
настороженные уши за столом.
Ах, какими же мы прежде были глупыми!
Ох, какими стали глупыми потом!

В никотиновом дыму на старой лестнице
смех и слезы мы сумели пережить.
Кто наивней говорили – все изменится,
кто умнее – перестали говорить.
Упоенные успехами раздутыми,

не пытаемся и думать о другом.

Ах, какими же мы прежде были глупыми!

Ох, какими стали глупыми потом!

Ночная серенада

Вечер тает.

Ветер стягивает с черного
рояля голубое покрывало.

Заиграла
за некошенными мыслями
несмелая ночная серенада.

И не надо

Полусловом, полужестом
эти мысли обрывать на полувзгляде -
бога ради,

расстояние останется
все тем же монументом расстоянъям
между нами,
между прочими, такими же
непрочными созданными эпохи.

Наши вдохи
вторят выдохам забытых
и непонятых другими одиночек.

Пара строчек,
уносимых в путь далекий
по линейкам ученической дороги,
мы, в итоге,
недостаточно знакомы

с этим вечно недоученным предметом.

Скоро лето -

значит время торопиться,

раскрываться расцветать и доверяться,

в плавном танце

только кончиками пальцев

узнавая о движении партнера.

Лето скоро

обожжет и образумит,

монотонный день растянет до предела.

В чем же дело?

Разве ночь, она для сна,

а не для тонкого вина прикосновений?

Наши тени

так отчетливо разделены,

так отдельно наше ровное дыхание.

Сожаленье,

это горькое лекарство,

принимаемое только с опозданием.

Знак

Я буду здесь,
когда весь
мир
станет тебе не понятен.
Из пятен,
казалось, заживших ран
он будет дробиться на части
вне власти
твоих представлений,
но, к счастью,
ты вспомнишь,
что есть
здесь
я.

И я буду пока
твоя рука
не узнает, как
едва ощутимо дрожат века
за тонкими веками темного серебра,
как обжигает ладонь льдом,
там, где по золоту серебром
слово хвостом

заметают остатки сна,
или сон
с трудом
проникает в механику слова.

Все будет так -
знак
скрипично-малиновый на губах,
новый такт,
нотный стан
изогнется
в еле заметной улыбке.
Фрак распахнется.
Смычковый удар.
Чар
никаких,
просто кто-то проснется.
В том
быть не может ошибки,
ведь ошибемся вдвоем.

Эхинацея

Эхинацея,
распушенная иностранка,
ромашкой прикинулась,
перекрашенной в панка.

На ней, красотке,
для глаз липучке,
не о любви гадают -
о случке.

Здесь, на земле
по язычески нравственной,
свой сорняк
во сто крат лекарственной !

Боги шепнут, и сметет разом
эхом, нацеленным в сон разума,
краски бесстыдные, запахи вздорные,
всякие выпуклости беспризорные.
В нашей обители ортодоксальной
новое хуже чем грех повальный.

Эхинацея.
Эх и нация.
Верить не тем

и не тех бояться.
Неброской нитью
на холст равнины,
упав, не нить
и не корчить мины,
в иглу вдеваться,
давясь от смеха.
Такая нация.
Такое эхо.

Решето

То, как плохо жили – забыто.
С нашей памятью-решетом
разведем еще паразитов
и забудем, как плохо живем.
Позитивы в заветном альбоме,
песня бодрая про запас.
Только, как мы ее не гоним,
наша грусть догоняет нас.

Виновато царапает струны
недолеченная тоска.
Надо ж быть условно разумным,
чтоб мозги в вине полоскать,
разбавляя снова и снова
эту горечь слова “вина”.
Надо ж быть разумным условно,
чтоб себя ни в чем никогда.

То ли “измами” дух отравлен,
то ли силам небес каюк -
обскакала лошадка Дарвин
Моисея на целый круг.
Рот в улыбке, а взгляд рассеян.

Полагаясь на статус-кво
мы, конечно, за Моисея,
только ставим не него.

Назовите это эпохой,
назовите меня горшком...
Вообще мы жили неплохо,
но все лучше и лучше живем.

БЫТЬ ЧЕЛОВЕКОМ

Наши смыслы зашиты под кожей
в капсулах прочных и не очень.
Ты обнимешь меня и ничем не поможешь,
а толкнешь и спасешь от пустых многоточий.
Закипит в кровеносном сосуде
и по нервам, как по изломанным рекам,
пойдет предписание – выбиться в люди,
убиться или стать человеком.

Слово за слово -
имя названо.

Полно выть на фонарь космический,
посылая запросы праздные,
ведь ответ один – риторический.

Один для всех,
для каждого свой.

Как поделено, так уж поделено.

Сердце не связано с головой
в этой реальности непараллельной.

Он дитя на руках у Венеры,
Мальчишка, играющий с дыркой от бублика.
Он может без нас, но не может без веры,

а вере нужны комплименты и публика.

Под одной кислородной подушкой
спрятаны головы, спрятаны задницы.

А мальчик хохочет, ломая игрушку -
он еще маленький, ему уже нравится.

Снегурочка

Она приходит по ночам,
садится, молча, у постели.

Умелых пальцев холодок
на горло давит неспеша.

Она похожа на врача,
но у нее на самом деле
халата нет, а есть мешок,
в котором пряники лежат.

И вот уже развязан мешок.

И вот немного разжаты пальцы.

Глоток последний на посошок
занюхать пряником и отправляться
к деду морозу, к деду морозу
на полный срок.

Она приходит в тишине,
когда посты Морфеем сняты.

Темнеет сброшенный халат
в проеме брошенных ворот.

Размазав тени по стене
своей улыбкой виноватой,
она косою до самых пят

без звука за душу берет.

И вот уже развязан мешок.

И вот немного разжаты пальцы.

Глоток последний на посошок

занюхать пряником и отправляться

к деду морозу, к деду морозу

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.